

Ю. И. Докучаева

«Историческая справедливость» в восприятии участников русско-японской войны

В статье автором рассматривается содержание концепта исторической истины и исторической правды в сознании участников русско-японской войны. Проблема была выбрана в связи с актуальностью дискуссий, не утихающих в современной историографии, по поводу объективности исторического знания и способности человека к познанию прошлого. Немаловажным стимулом к разработке обозначенной темы послужили гуманоцентрические тенденции исторической науки – стремление историков обратиться к изучению психологии и сознания человека ушедших эпох. Основное внимание уделяется изучению ментальности комбатантов путем анализа созданной ими мемуаристической литературы и выявлению элементов исторического сознания. Для проведения исследования была выбрана группа источников личного происхождения, а именно мемуары М. В. Грулева, Д. В. Никитина, Н. В. Вороновича, В. П. Костенко, В. Н. Изергина и других участников русско-японской войны. Автор статьи приходит к выводу, что у комбатантов сложилось четкое представление о «правдивой» картине событий русско-японской кампании. Данное представление не соответствовало «официальной» версии, что вызвало активные попытки ветеранов изменить общественное мнение, а также отразить свое видение прошедшей войны в мемуарах.

Ключевые слова: русско-японская война, историческая истина, историческая антропология, историческое сознание, дискурс, комбатанты, мемуаристика.

Ju. I. Dokuchaeva

Participants of the Russian-Japanese War and Their Concept of Historical Truth

The main idea of the article is to investigate the concept of historical truth as the element of the combatant's intelligence. The topic was inspired by active disputes in the modern scientific society about the objectivity of the historical science and the capability to explore the past. Besides, many historians are eager to study psychology and perceptions. As a result nowadays history is focused on the people of the past and their way of thinking. That is why the author's primary attention is given to the issue of combatants' mentality. The memoirs of the participants of the Russo-Japanese War are analyzed and the author discovers the elements of historical perceptions. The combatants couldn't agree with the official point of view of the Russian-Japanese War and developed their own, the "truthful" one. The memoirs were the only chance for them to present their battle experience and change the official attitude to the war and its soldiers.

Keywords: the Russian-Japanese war, historical truth, historical anthropology, historical perceptions, discourse, combatant, memoir.

Историческая антропология – относительно новое и актуальное направление в исторической науке, связанное с изучением человека, его мировоззрения и ментальности. Лишь в условиях современной науки, включающей разнообразные, в том числе и постмодернистские, методологические концепции историк впервые получил право изучать не только конкретные события, но и отношение людей прошлого к этим событиям, их восприятие, сознание и психологию. Однако из-за сохранившегося влияния философии позитивизма история не может быть отделена в восприятии как многих ученых, так и рядовых граждан от понятия объективности исторического знания, способности восстановить беспристрастную «историческую истину» или «историческую «правду», реконструировав в мельчайших деталях реальность событий давно ушедших дней.

Проблема исторической истины является актуальной и вызывает ряд дискуссий у ученых, разрабатывающих проблему теории и методологии исторического познания. Историк А. И. Ракилов определяет историческую истину как объективное, системное, верифицируемое конкретное знание исторического процесса развития конкретного общества [9, с. 7]. А. А. Лукьяненко дает определение исторической истине с точки зрения концепции кантианского трансцендентализма, согласно которой феномены истины и дол-

га неразрывно сплетаются в историческом познании, где, используя в качестве значений, делают возможными истины истории [6, с. 14]. Кроме философского подхода к понятию, существует еще и историографический. Согласно представителям последнего направления, историческая истина – «истинная картина» прошлого [11]. И. М. Савельева и А. В. Полетаев указывают на существование двух близких понятий, которые необходимо различать: понятие «истинной картины» – фактическая соотнесенность с прошлым и «историческая правда» – правильная, справедливая картина прошлого [11].

Суммируя вышеприведенные определения, можно сделать вывод, что понятие «историческая истина» рассматривается в современной науке как некий идеальный конструкт прошлого, который стремится воссоздать по крупицам сведений из различных источников ученый, а «историческая правда» – неискаженное отражение реальности, которое историческая наука должна давать как конечный продукт своей деятельности, в представлении рядового обывателя.

Следовательно, в противопоставлении двух видений исторической реальности (историка и обывателя) заключается скрытый конфликт. Он связан с тем, что процесс формирования исторического знания включает постоянную оценку и отбор как новых «мнений» (ин-

дивидуальных дискурсов), так и признанных ранее «знаний» (социально одобренных дискурсов) [11]. В обществе при формировании «правдивой» картины отдельно взятого события идет борьба дискурсов за право доказать несостоятельность признанной ранее концепции за счет привлечения новых источников и контраргументов. Особенно активно этот процесс идет, когда описываемое событие является исторически актуальным, в частности, произошло недавно и процесс первичного осмысления еще не закончен.

Одним из примеров такого взаимодействия частных и общественных дискурсов являются дискуссии, развернувшиеся в России начала XX в. после окончания русско-японской войны. Многие участники военного конфликта были не согласны с утвердившейся «правдивой картиной» неудачной кампании и стремились донести до общественности мнение непосредственных свидетелей. Что подвигло комбатантов на этот шаг? Существовал ли концепт исторической правды в сознании мемуаристов-участников русско-японской войны?

В стремлении ответить на поставленные вопросы объектом исследования был избран менталитет участников русско-японской войны. Структурообразующими элементами менталитета являются установки, лежащие в основе концепции мироздания, системы фундаментальных ценностей и представлений об истине (аксиомы сознания, мыслительные стереотипы), определяющие отношение к власти, религии, труду, собственности, Родине [8, с. 63]. Следовательно, предметом исследования были избраны представления об исторической истине участников русско-японской кампании.

Свое видение исторических событий, отношение к ним общества и «истинную» картину происшедшего комбатанты, как правило, излагали в воспоминаниях и мемуарах. Именно документы личного происхождения были привлечены в данном исследовании в качестве основного источника. Важно подчеркнуть, что целью исследования не является критика документов личного происхождения как исторических источников, содержащих субъективную информацию об описанном событии. Задача заключается в изучении представлений автора воспоминаний об исторической истине и степени собственной объективности.

Для ответа на поставленные вопросы необходимо рассмотреть механизм, который используется обществом, в том числе и научным сообществом, для получения исторической истины (как и исторической правды). Истинность исторического знания конституируется через суждения других людей, прежде всего, историков [11]. Иными словами, уполномоченные обществом люди высказывают мнения, которые подвергаются тщательной проверке, оценке, отбору и становятся достоянием общечеловеческого знания о прошлом или отвергаются. Однако, кроме историков, участники и непосредственные свидетели какого-либо исторического потрясения имеют признанное обществом право высказывать свое мнение об определенном событии. Многие из них обладают потребностью осмыслить пережитый опыт, проанализировать и систематизиро-

вать увиденные факты, сделать выводы и поделиться своими умозаключениями с обществом.

Какие мотивы побуждают участников событий поделиться своим представлением о пережитом?

Главная причина – это предвзятое, по мнению авторов воспоминаний, освещение произошедших событий в уже опубликованных источниках, а следовательно, и неверно сформированное представление общества о событиях военной кампании. В частности, контр-адмирал Д. В. Никитин возмущен клеветой на порт-артуровцев, что в ночь с 7 на 8 февраля 1904 г. офицеры находились на берегу и праздновали именины жены адмирала Старка. Эта информация представляла «собой обычную газетную утку – ни на чем не основанный вымысел», указывает контр-адмирал [7, с. 44]. Солидарен с ним А. П. Штер: «Еще более меня поражает то обстоятельство, что общество, так доверчиво отнесшееся к такой явной лжи, взглянуло весьма недоверчиво на опровержения, появившиеся в газетах» [12]. Моряк русского флота В. Н. Изергин считал недостоверными опубликованные заметки других участников русско-японской войны, что подвигло его на создание собственных воспоминаний [4, с. 133].

Создававший свои мемуары в советское время инженер броненосца «Орел» В. П. Костенко отмечает, что интерес молодых поколений к событиям обороны Порт-Артура, боям в Японском и Желтом морях не ослабевает, что и побуждает ветерана оставить воспоминания о второй Тихоокеанской эскадре и Цусимском сражении [5, с. 5]. Если мотивом автора служит стремление утолить неугасающий интерес советских читателей к героическим страницам истории российского флота, то цель – «более конкретно осветить историю самой крупной морской операции русского флота» [5, с. 5]. Нельзя не отметить, что исторический контекст заставляет автора провести параллель между Дальневосточной кампанией 1945 г. и конфликтом с Японией 1904–1905 гг. Автор воспринимает успех боевых действий СССР в 1945 г. как своеобразный реванш за Цусимское поражение: «Цусима была отомщена сторицею!» [5, с. 540].

Даже П. Н. Ларенко, сотрудник порт-артурской газеты «Новый край», в мемуарах называет цель своей книги «дать беспристрастное описание самоотверженной защиты крепости и жизни в осажденном городе». Он пытается нарисовать эту жизнь просто и правдиво [7, с. 9].

Предваряя свой рассказ, комбатанты используют схожие речевые клише: «В действительности же дело обстояло совершенно иначе» [12]. Или: «Что же на самом деле происходило в Порт-Артуре в ночь с 8 на 9 февраля 1904 г.?» (Д. В. Никитин). Авторы часто используют такие синонимы, как беспристрастность, правдивость, истина [10, с. 10, 11, 14]. П. Н. Ларенко пишет, что мерилom оценки происшедших событий для него выступила «совесть – голос изболевшей русской души» [10, с. 10]. Одну из наиболее четких и точных формулировок для цели своего труда дает генерал-майор М. В. Грулев: «Важным пособием для этой истории (истории жизни народной – прим. автора статьи)

должны послужить живые воспоминания участников этой войны» [2, с. 15]. Офицером поставлена четкая задача для историка: использовать для освещения событий свидетельства, предложенные комбатантами, – вот залог реконструкции «исторической истины».

Из вышеуказанного следует, что основной мотив создания мемуаров комбатантами – привести к изменению сложившейся концепции восприятия исторической правды о русско-японской войне и собственно ее ветеранов как творцов ушедшей действительности, повлиять на общественное мнение. Интерес общества к той исторической проблеме не угасал. Наиболее ярко он выразился до 1917 г., когда была написана и опубликована первая волна мемуаров [2, 3, 10, 11, 12]. Вторая волна мемуаров [2, 3, 10, 11, 12], созданная как в эмигрантской среде, так и в СССР, увидела свет в 1950-х гг. и была вызвана к жизни неизбежным осмыслением итогов Второй мировой войны и проведением исторических параллелей с русско-японской кампанией 1945 г. [1, 4, 5, 7].

Возникает вопрос: был ли для комбатантов другой способ, кроме написания мемуаров, выполнить поставленную задачу? Полковник Домницкий в своих воспоминаниях указывает на разницу между аргументированностью претензий, выраженных в публицистическом произведении, и официальным обвинением, которое потребует судебного разбирательства: «Есть факты, в существовании которых не может быть сомнения, но доказать которые юридически нельзя, и поэтому о них приходится умалчивать при допросе на следствии. Умолчать же о них историку – значит неверно осветить события» [3, с. 13]. Однако в тексте Домницкий не называет имена и фамилии своих сослуживцев, в том числе и тех, о чьих действиях в условиях военной обстановки отзывается нелестно [3, с. 20].

Иными словами, в сознании комбатанта есть четкая установка, что общество предоставляет участникам свободу слова в изложении пережитых им событий. В художественно-публицистическом труде он может безбоязненно аргументировать свою точку зрения. Историк упоминается как непосредственный адресат мемуаров точно так же, как и в воспоминаниях М. В. Грулева [2, с. 15]. Ориентация на творчество с целью принести научную пользу обществу – один из элементов исторического сознания.

Любопытно отметить, что, с точки зрения комбатанта, не все свидетельства о событиях военного времени достойны равноценного доверия. Например, П. Н. Ларенко характеризует официальные данные как односторонние, более или менее пристрастные. Залог объективной картины – «возможно больше наблюдений с разных мест и разных точек зрения и пользоваться возможно большим фактическим материалом» [10, с. 11]. Полковник Домницкий людьми беспристрастными называет участников военных действий на Сахалине, «переживших сахалинскую войну во всей ее наготе» [3, с. 5].

У опытных офицеров вроде полковника Домницкого его личные суждения и восприятие картины доминируют при описании ситуации, сложившейся на

фронте. У молодых и неопытных на момент ведения боевых действий участников четко в памяти отложилось мнение старших товарищей.

Ярким свидетельством того, что общение с другими непосредственными участниками исторического события наложило отпечаток на восприятие комбатантом картины происходящих событий, являются воспоминания Н. В. Вороновича: «У всех участников Мукденского сражения были еще свежи в памяти переживания кошмарного отступления и люди, благополучно вышедшие из опасности, охотно делились ими и рассказывали подробности» [1, с. 5]. Молодой канонир Н. В. Воронович впитывал как губка слова старших товарищей, прошедших боевое крещение. Он передает их достаточно безапелляционные суждения: «Младший командный состав и солдаты до самого конца дрались отлично» или «Действия нашей многочисленной конницы были весьма неудовлетворительны» [1, с. 25, 26]. Иными словами, оценки важных событий театра боевых действий не были сформулированы им самостоятельно.

Из воспоминаний Н. В. Вороновича можно получить целостное представление об образе войны, сложившемся у офицерского состава, представители которого активно общались с ним и с его боевыми товарищами. Даже спустя 47 лет после описываемых событий Н. В. Воронович вспоминает услышанные и записанные в юности байки офицеров и не подвергает их суждения ни малейшему сомнению. В этом можно увидеть проявление корпоративного духа офицерства.

К факторам, которые могут затуманить трезвость суждения очевидца, относятся обида и обозленность ходом войны и ее последствиями [3, с. 13], недостаток информации или негодование, вызванное действиями того или иного участника боевых действий, лицеприязнь, вражда [10, с. 11].

Следовательно, важными факторами, которые влияли на представление комбатанта об «истинной картине» событий на войне, являлись его боевой опыт и возраст, а также слухи и общение с боевыми товарищами, эмоциональное состояние на момент написания воспоминаний.

Таким образом, в восприятии участника русско-японской войны историческая правда – точное и объективное описание происшедших событий. Задача очевидца – наиболее подробно и без искажений донести сведения до историка, а задача историка – тщательно их отразить в научном труде. В сознании комбатантов-мемуаристов существовало представление об «истинной» картине русско-японской войны, участниками которой они были. Многие из них были не согласны с «правдивой» версией событий, созданной прессой и официальными источниками. Воспоминания – попытка изменить общественное мнение и свидетельство развитого исторического сознания комбатанта-мемуариста.

Библиографический список

1. Воронович, Н. Русско-японская война. Воспоминания [Текст] / Н. Воронович. – Нью-Йорк, 1952 г. – 78 с.

2. Грулев, М. В. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Ген. Штаба и командира полка о Русско-японской войне [Текст] / М. В. Грулев. – М.: Гос. Публ. ист. б-ка России, 2007. – 272 с.

3. Домницкий. Записки об обороне Северного Сахалина [Текст] // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 487. – Оп. 1. – Д. 916.

4. Из воспоминаний минера Изергина [Текст] // С. А. Гладких. Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков. – СПб.: Морское наследие, 2013. – 272 с. – С. 133.

5. Костенко, В. П. На «Орле» в Цусиме. Воспоминания участника русско-японской войны на море в 1904–1905 гг. [Текст] / В. П. Костенко. – Л.: Государственное союзное издательство судостроительной промышленности, 1955. – 541 с.

6. Лукьяненко, А. А. Феномен исторической истины с позиции кантианского трансцендентализма [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 35. – Философия. Социология. Культурология. – Вып. 28. – С. 10–14.

7. Никитин, Д. В. Как началась война с Японией [Текст] / Д. В. Никитин // Порт-Артур. Воспоминания участников. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

8. Поршнева, О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. [Текст] / О. Поршнева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 368 с.

9. Ракилов, А. И. Историческое познание: что это такое и зачем оно необходимо // Ракилов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. – М., 1982. – С. 6–13.

10. Русско-японская война: Взгляд побежденных [Текст]. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 764 с.

11. Савельева, И., Поletaev, А. Историческая истина и историческое знание [Электронный ресурс] // Философско-литературный журнал «Логос». – 2001. – № 2. – С. 4–24. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_2/01_2_2001.htm свободный.

12. Штер, Н. П. На крейсере «Новик» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/shter_ap/index.html свободный.

Bibliograficheskiy spisok

1. Voronovich, N. Russko-japonskaja vojna. Vospominanija [Tekst] / N. Voronovich. – N'ju-Jork, 1952 g. – 78 s.

2. Grulev, M. V. V shtabah i na poljah Dal'nego Vostoka: vospominanija oficera Gen. Shtaba i komandira polka o Russko-japonskoj vojne [Tekst] / M. V. Grulev. – M.: Gos. Publ. ist. b-ka Rossii, 2007. – 272 s.

3. Domnickij. Zapiski ob oborone Severnogo Sahalina [Tekst] // Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. – F. 487. – Op. 1. – D. 916.

4. Iz vospominanij minera Izergina [Tekst] // S. A. Gladkih. Zabytye geroi: Istorija russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. v biografijah, dnevnikah i vospominanijah voennyh morjakov. – SPb.: Morskoe nasledie, 2013. – 272 s. – S. 133.

5. Kostenko, V. P. Na «Orle» v Cusime. Vospominanija uchastnika russko-japonskoj vojny na more v 1904–1905 gg. [Tekst] / V. P. Kostenko. – L.: Gosudarstvennoe sojunznoe izdatel'stvo sudostroitel'noj promyshlennosti, 1955. – 541 s.

6. Luk'janenko, A. A. Fenomen istoricheskoj istiny s pozicii kantianskogo transcendentalizma [Tekst] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 35. – Filosofija. Sociologija. Kul'turologija. – Vyp. 28. – S. 10–14.

7. Nikitin, D. V. Kak nachalas' vojna s Japoniej [Tekst] / D. V. Nikitin // Port-Artur. Vospominanija uchastnikov. – N'ju-Jork: Izd-vo imeni Chehova, 1955.

8. Porshneva, O. S. Krest'jane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. [Tekst] / O. Porshneva. – M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2004. – 368 s.

9. Rakitov, A. I. Istoricheskoe poznanie: chto jeto takoe i zachem ono neobhodimo // Rakitov A. I. Istoricheskoe poznanie. Sistemno-gnoseologicheskij podhod. – M., 1982. – S. 6–13.

10. Russko-japonskaja vojna: Vzglyad pobezhdennyh [Tekst]. – M.: AST: Tranzitkniga, 2005. – 764 s.

11. Savel'eva, I., Poletaev, A. Istoricheskaja istina i istoricheskoe znanie [Jelektronnyj resurs] // Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos». – 2001. – № 2. – S. 4–24. – Rezhim dostupa: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_2/01_2_2001.htm svobodnyj.

12. Shter, N. P. Na krejsere «Novik» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://militera.lib.ru/memo/russian/shter_ap/index.html svobodnyj.